

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ СЕРТОРИЯ*

О месте представительниц прекрасного пола в жизни деятелей первого периода гражданских войн I в. до н. э. в Риме известно не так уж много. Не являются исключением в этом смысле и события, связанные с деятельностью Квинта Сертория – одного из самых своеобразных персонажей эпохи Мария и Суллы, чья биография вообще весьма скудно освещена источниками. И все-таки благодаря Плутарху и Валерию Максиму кое-что о женщинах в его жизни мы знаем. Рассмотрим соответствующие свидетельства этих авторов.

Мать Сертория. О ней сохранились данные только у Плутарха. Он осторожно пишет, что есть сведения (λέγουσι), согласно которым ее звали Реей ('Ραία – Sert. 2.2). За отсутствием других сообщений исследователи принимают указанное Плутархом имя. Иногда оно связывается с названием сабинского города Реате, родины энциклопедиста Марка Теренция Варрона¹; другие полагают, что оно является измененной формой имени R(h)aiia или Rahia (м. р. R(h)aius/Rahius)². Указывалось на то, что это имя, как и производное от него Raienus, имеет этрусские корни. Отсюда, впрочем, еще не вытекает, что его носители были этрусками, ибо они не так уж часто упоминаются в надписях Этрурии. Мы встречаем их в самых различных районах Средней Италии – Лации, Самнии, Кампании, Умбрии и др., причем нельзя сказать, чтобы в каком-то из центров их было заметно больше, чем в других³. Что касается именно женской формы, Raia, то оно также упоминается в эпиграфике самых различных городов – Везузии, Канузии, Ларина, Минтури и др.⁴ Указывалось, естественно, и на его сходство с именем матери Ромула и Рема⁵, хотя оно, согласно иным мнениям, и не вполне очевидно⁶. Но, так или иначе, по местным меркам Рея была достаточно знатного рода (из разряда так называемых *domi nobiles*).

Серторий рано лишился отца и воспитывался матерью, «которую, – как пишет Плутарх, – кажется (δοκεῖ), любил очень сильно» (Sert. 2.1). Опять-таки лишь «кажется» – возможно, это лишь вывод самого Плутарха. Правда, сыну было за что любить мать. Судя по тому, что Серторий изучал право, риторику, небезуспешно выступал перед согражданами и даже приобрел в их среде некоторое влияние (Plut. Sert.

* Данная статья представляет собой расширенный и доработанный вариант доклада, прочитанного 4 февраля 2005 г. на XIV Сергеевских чтениях в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

¹ Schulten A. Sertorius. Leipzig, 1926. S. 26–27.

² García Morá F. Quinto Sertorio. Roma; Granada, 1991. P. 36; Rijkhoek K. G. Studien zu Sertorius. Bonn, 1992. S. 24.

³ Rijkhoek K. G. Op. cit. S. 24.

⁴ См.: García Morá F. Op. cit. P. 83.

⁵ Schulten A. Op. cit. S. 27.

⁶ Spann Ph. O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 176.

2.2; ср.: Cic. *Brut.* 180), мать вложила в его воспитание и обучение немало сил и средств⁷. Как тут не вспомнить пассаж Плутарха о Корнелии, матери братьев Гракхов⁸: «двух сыновей, Тиберия и Гая, [...] она растила с таким усердием, что они – бесспорно, самые даровитые среди римлян – своими прекрасными качествами больше, по-видимому, были обязаны воспитанию, чем природе» (пер. С. П. Маркиша – *Plut. Tib. Gr.* 1.7)⁹. Налицо не просто сходство биографий, но и образец идеальной матроны, после смерти мужа посвятившей себя (и не без успеха) воспитанию потомства, а не устроению нового брака. Плутарх не пишет, был ли брак с отцом Сертория единственным для его матери, но искусно построенный рассказ биографа невольно создает именно такое впечатление. А верность первому мужу считалась, как известно, нормой для истинной римлянки¹⁰.

Затем, однако, Рея надолго исчезает из повествования. Надо полагать, она по мере сил способствовала успешной карьере сына, особенно если учесть, что для конца Республики вообще характерно влияние женщин на карьеру сыновей¹¹. Второе упоминание о Рее появляется все у того же Плутарха, когда речь идет уже об изгнаничестве Сертория. Рассказывая о его миролюбии, греческий биограф пишет: «говорят (λέγεται), что желание Сертория возвратиться на родину объяснялось прежде всего его любовью к матери (ἐπιθυμίῃν διὰ τὴν μητέρα); она воспитала его, когда он остался сиротой, и он был ей искренне предан¹². Как раз в тот момент, когда его друзья в Испании предложили ему верховное командование (ἡγεμονία), он узнал о кончине матери и от горя едва не лишился жизни. Семь дней лежал он, не отдавая приказов и не допуская к себе друзей, и огромного труда стоило его товарищам-полководцам (στρατήγηοι) и знатым лицам (διδότμοι), окружившим палатку, принудить Сертория выйти к воинам и принять участие в делах, которые как раз разворачивались благоприятно. В силу этого многие считали его человеком по природе мягким и расположенным к мирной жизни» (пер. А. П. Каждана – *Sert.* 22.9–12).

Этот рассказ чрезвычайно любопытен. Прежде всего, нужно отметить его место во взглядах Плутарха на сыновнюю любовь. Как указывает К. Ф. Конрад, «попытка Плутарха представить привязанность героя к своей матери как еще один пример его *megalophrosynē*,

⁷ Как полагает Ф. Гарсиа Мора, Серторий должен был получить опекуна, который под контролем Рен, наследницы имущества покойного супруга, обеспечил бы Серторию достойное образование (*García Morá F.* Op. cit. P. 41).

⁸ И. Кениг вспоминает также мать легендарного Кориолана (*König I. Q.* Sertorius. Ein Kapitel des frühen römischen Bürgerkriegs // *Klio.* Bd. 82. H. 2. 2000. S. 444).

⁹ Любопытно, что и Гракхи, и находившийся в аналогичном положении Цезарь стали, возмужав, «разрушителями устоев» (*Balsdon J. P. V. D.* Roman Women. Heir History and Habits. N. Y., 1962. P. 203). То же можно сказать и о Сертории.

¹⁰ *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. СПб., 2000. С. 191–192.

¹¹ *García Morá F.* Op. cit. P. 37.

¹² И. Кениг пишет, что любовь Сертория к матери выступает у Плутарха как «einzigste emotionale Bindung» героя и сравнивает его с Одиссеем, когда тот встречается в Аиде Антиклею (*König I.* Op. cit. S. 444).

Romanitas и *philopatria* странно контрастирует с критической ремаркой в Alk. Synkr. 4 (43).4–5: готовность Кориолана пощадить Рим исключительно ради своей матери после презрительного отказа в просьбах сенату, народу и жрецам была оскорблением для государства (*ἀτιμία τῆς πατρίδος*)¹³. Однако у Плутарха не было четкой системы взглядов, которая безотказно «работала» бы во всех соответствующих ситуациях. Как известно, об одном и том же человеке в различных биографиях он мог писать по-разному¹⁴, стоит ли удивляться другим противоречиям. Кроме того, он лишь осторожно пишет об одном из мнений, согласно которому миролюбие Сертория было обусловлено его чувством к матери. Следующий затем эпизод, в сущности, не подтверждает, а в чем-то даже и противоречит предыдущей тезе: узнав о смерти матери, полководец отказывается от власти, о войне же не говорится. А ведь кончина родительницы, привязанность к которой будто и была причиной его миролюбия, скорее должна была бы подхлестнуть военную активность Сертория. Иначе говоря, речь идет, если так можно выразиться, не о логике ума, а о логике души – для Плутарха важны прежде всего сами добродетели героя, сколь возможно частое их упоминание, а не рациональное осмысление оных.

Описанный эпизод представляет собой кульминацию сюжета Рея – Серторий, доказывая тезис о его любви к матери. Недаром он оказал сильнейшее влияние на историков XIX – начала XX вв., которые увидели в нем проявление самых возвышенных чувств¹⁵. Достаточно привести слова Теодора Моммзена о Сертории: «этот замечательный человек, [...] обладавший мягкой и даже нежной натурой, что доказывает его почти мечтательной любовью к его матери Рее» и т. д.¹⁶ Правда, суровый критик Сертория Гельмут Берве усмотрел в эпизоде с попыткой отказа от командования недостойное римлянина поведение¹⁷, но и он в принципе не поставил под сомнение искренность полководца. Между тем для таких сомнений есть очень серьезные основания. Ситуация выглядит довольно странно – Серторий, внесенный в проскрипции одним из первых (Oros. V.21.3) и потому находившийся в наиболее угрожаемом положении, вряд ли пошел бы на столь самоубийственный шаг, как отказ от власти. Вся его деятельность говорит о том, что он был человеком жестким, вполне владеющим собой¹⁸ и отнюдь не склонным к сентиментальности. Поэтому И. Г. Гурин предложил куда более логичное объяснение случившегося. По его мнению, в это время решался вопрос о власти, о том, кто и на каких условиях

¹³ Konrad C. F. Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary. Chapel Hill; London, 1994. P. 189.

¹⁴ См., напр.: Кошеленко Г. А. Плутарх // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 102.

¹⁵ См., напр.: Schulten A. Op. cit. S. 160.

¹⁶ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 17. Любопытно, что Моммзен использует как доказательство то, что Плутарху лишь казалось.

¹⁷ Berve H. Sertorius // Hermes. 1929. Bd. 64. S. 216–217.

¹⁸ За исключением, быть может, последних месяцев (App. B. C. I.113; Schulten A. Op. cit. S. 131–132).

станет ее обладателем: «Серторий или те, равные ему по статусу и наверняка превосходившие его знатностью люди, о которых говорится в этом отрывке (или кто-нибудь один из их числа). Серторий, удалившись от дел, фактически прибег к шантажу, который явно должен был воздействовать в первую очередь на рядовых воинов. И поскольку Сертория заставили выйти именно к воинам, [...] следует предположить, что последние требовали его возвращения к руководству движением»¹⁹. В связи с этим вспоминается известный эпизод из истории походов Александра: когда в Индии его воины отказались продолжать поход, он «ушел к себе в палатку и в этот день и еще два дня спустя не принимал никого даже из «друзей», выжидая, не изменится ли настроение у македонян и союзников». И далее Арриан делает весьма любопытное добавление: «это часто случается в солдатской среде и дает возможность ее легче переубедить» (пер. М. Е. Сергеенко – *Anab. Alex. V.28.3*). Здесь ситуация, правда, несколько иная – «убедить» надо было не воинов, а тех из числа командиров, кто оспаривал или мог оспорить его власть (στρατῆται и ὀμότιμοι²⁰ – не только сенаторы, но и «равные по положению», «равнопочтенные»), причем рядовые в этой ситуации явно должны были воздействовать на начальников, чтобы те уговорили любимого полководца вернуться. Но метод в основе своей тот же, что и у Александра – «забастовка» главнокомандующего (как тут не вспомнить отъезд Ивана Грозного в Александровскую слободу в 1564 г.!).

Обычно описываемые события относят к 80 г. до н. э., ко времени накануне третьей высадки Сертория в Испанию²¹. Однако это представляется совершенно невероятным. Сомнительность традиционной версии я уже обосновал выше. Куда более правдоподобно предположение И. Г. Гурина о том, что указанная ситуация сложилась с прибытием в Испанию бывших участников *tumultus Lepidi*, многие командиры которых вполне могли выступать по отношению к Серторию в силу своей знатности и карьеры как στρατῆται и ὀμότιμοι. Плутарх указывал, что их предводитель Перперна не хотел сначала подчиниться Серторию и сделал это лишь по требованию собственных воинов (*Sert. 15.2–5*). Присоединившись же к нему, он, как можно полагать, поставил вопрос о разделе власти²². Тогда-то, видимо, Серторий и устроил сцену с отказом от командования²³.

И еще один вопрос: не слишком ли удачно совпали в таком случае известие о смерти Реи и предполагаемая схватка за власть? Ничего удивительного здесь, однако, нет. Как известно, Серторий был масте-

¹⁹ Гурин И. Г. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001. С. 110.

²⁰ В другом чтении – ἰσότημοι (*Konrad C. F. Op. cit. P. 190*).

²¹ *Schulten A. Op. cit. S. 54. Anm. 271; Spann Ph. O. Op. cit. P. 54–55; Konrad C. F. Op. cit. P. 189; König I. Op. cit. S. 449.*

²² Иногда говорилось даже о притязаниях Перперны на главенство (см., напр.: *Ilne W. Römische Geschichte. Leipzig, 1886. Bd. 6. S. 27*), но такие претензии кажутся слишком уж неадекватными ситуации, если учесть позицию воинов Перперны.

²³ См.: Гурин И. Г. Указ. соч. С. 110.

ром разного рода «розыгрышей» и мистификаций. «В трудные моменты, — пишет Ава Геллий, — он и лгал воинам, если ложь была полезна, и поддельные письма выдавал за подлинные, и изображал сновидения, и использовал ложные знамена, если эти меры помогали ему поддерживать дух воинов» (XV.22.2; в более общем виде — Plut. *Sert.* 10.3). Нельзя исключить, что и в данном случае Серторий использовал подобные приемы. Иначе говоря, он либо просто выдумал факт смерти матери, или, зная о нем давно, но не сообщив до сих пор никому, теперь выдал его за только что происшедший. Наконец, если описанная сцена произошла после прибытия Перперны, то вполне возможно, что его люди как раз и принесли Серторию горестную весть. Не настаивая ни на одной из этих версий, хочу лишь подчеркнуть, что совпадения либо не было вообще, либо оно вполне объяснимо.

Подведем некоторые итоги. Как справедливо указывает С. С. Аверинцев, у Плутарха «этика семьи подменяет собой этику полиса»²⁴, и биография Сертория тому яркий пример. Неясные сведения о привязанности последнего к матери Плутарх вольно или невольно представляет как бесспорное свидетельство его сыновней преданности. Образ же самой родительницы героя обретает идеальные черты, как бы давая понять: от доброго семени — добрый плод. При этом автор добросовестно сопровождает приводимые данные оговорками «рассказывают», «кажется», но в то же время, какие-либо иные версии отсутствуют. Все нежелательные факты отсекаются²⁵, как то, видимо, случилось с обстоятельствами отказа Сертория от власти. Вдобавок авторская трактовка дается в таком благоприятном для Сертория контексте, что невольно хочется согласиться с писателем. Что и говорить, Плутарх был великим мастером слова, но именно это и сыграло дурную шутку со многими историками нового и новейшего времени²⁶.

Жена Сертория. О супруге мятежного полководца известно лишь из краткого сообщения Валерия Максима. Оно гласит: «нашелся даже и такой, который говорил, что он сын Сертория, и жену последнего никак не удавалось заставить признать его (*repertus est etiam qui se esse diceret Q. Sertorii filium, quem ut agnosceret uxor eius nulla vi compelli potuit*)» (IX.15.3).

А. Шультен категорично пишет, что «мать была единственной любовью в жизни Сертория, другие женщины в его жизни роли не играли», а сведения Валерия Максима нужно отвергнуть, ибо у Плутарха ничего подобного не сообщается²⁷. Иного мнения придерживается К. Ф. Конрад: «нет достаточных оснований ставить под сомнение этот

²⁴ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 63.

²⁵ «Именно в жизнеописании Сертория Плутарх максимально разрабатывает этико-биографическое начало за счет полноты фактов, как он говорит об этом в 1-й главе «Александра»» (Gelzer M. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1963. Bd. 2. S. 140).

²⁶ См.: Кораленков А. В. Герой и антигерой: образ Сертория в трудах трех немецких историков // Античный мир и его судьбы в последующие века. Докл. конф. М., 1996. С. 106–107.

²⁷ Schulten A. Op. cit. S. 160–161 u. Anm. 699.

факт; заметка (Валерия Максима) предполагает, что она (жена) не последовала за Серторием в Испанию. Молчание Плутарха, возможно, объяснялось его незнанием, но надо полагать, что раскрытие подробностей брака могло бросить тень на образ героя. Лучше сосредоточиться на его сыновней преданности»²⁸. И. Г. Гурин же объясняет отсутствие сведений у Плутарха о супруге полководца тем, что она явно была испанкой (где еще «сын» Сертория мог извлекать выгоду из своего самозванства?), а по римским законам такой брак не признавался²⁹. Сообщение о нем дискредитировало мятежного проконсула, «ибо этот факт совершенно не вписывался в ту картину абсолютно приниженного положения туземцев в лагере восставших, которую рисует Плутарх в биографии Сертория»³⁰.

Точка зрения И. Г. Гурина представляется мне наиболее близкой к истине. Усомниться можно лишь в том, как ученый объясняет причины молчания Плутарха – здесь сколь-либо определенный ответ вряд ли возможен³¹. Исходя из версии отечественного исследователя, данные Валерия Максима можно прокомментировать следующим образом.

Беря себе в супруги местную жительницу, Серторий вольно или невольно следовал традициям Баркидов – и зять Гамилькара Барки Гасдрубал, и Ганнибал Баркид были женаты на испанках (Diod. XXV.12; Liv. XXIV.41.7; Sil. Ital. III.97; 106). Несомненно, и карфагенские полководцы, и Серторий поступали так, чтобы укрепить связи с местными племенами³². Любопытен контекст, в котором сообщает Диодор о браке Гасдрубала: «Когда он взял в жены дочь иберского царя (βασιλέως Ἰβήρου), то был провозглашен стратегом-автократором всеми иберами» (пер. Ю. Б. Циркина – XXV.12). Последовательность событий – сначала свадьба, затем аккламация – весьма примечательна и вряд ли случайна: благодаря этим бракам карфагеняне «как бы входили в местную среду»³³. Напомним, что стратегом-автократором был провозглашен и Серторий (Plut. Sert. 11.1)³⁴, и брак с испанкой, надо думать, сыграл в оформлении его власти также немалую роль. С уверенностью можно утверждать, что это была женщина из знатной семьи, иначе женитьба на ней не имела смысла.

Не вполне понятно, был ли у Сертория в действительности сын. История знает немало примеров, когда самозванцы выдавали себя за

²⁸ Konrad C. F. Op. cit. P. 189.

²⁹ Артонида, жена Эвмена Кардийского, «напарника» Сертория, по странному совпадению также была «варварского» происхождения – персиянка (Plut. Eum. 1.7), но о ее браке с Эвменом Плутарх все же сообщает, поскольку здесь вопрос о законности брака не стоял.

³⁰ Гурин И. Г. Указ. соч. С. 133.

³¹ При желании Плутарх мог бы представить брак Сертория как романтическую историю, когда сила любви взяла верх над римскими обычаями.

³² Гурин И. Г. Указ. соч. С. 133.

³³ Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 125.

³⁴ Правда, у Плутарха сообщается, что стратегом-автократором Сертория провозгласили лузитаны, а женат он был, возможно, на представительнице иных племен. Но это говорит лишь о том, что брачный союз способствовал оформлению власти Сертория не над лузитанами, а над этими другими племенами, иберами или кельтиберами.

вымышленных отпрысков царей и иных известных лиц – вспомним, как Илейка Муромец во время Смуты объявил себя сыном царя Федора Иоанновича Петром, в действительности не существовавшим. Но коль скоро требовалось получить «добро» от вдовы Сертория, выступать в роли подпоручика Кижэ явно не имело смысла. Напрашивается вывод, что настоящий сын марианского проконсула к тому моменту либо умер, либо пропал без вести.

В заключение остается сказать следующее. Нам ничего не известно о том, чем были мать и жена для Сертория в его духовной жизни. Но зато можно не сомневаться в том, что они сыграли немалую роль в его политической карьере. И мы лишний раз убеждаемся, как был прав гений дипломатии Шарль Морис Талейран, который говорил, что «женщины – это и есть политика»³⁵.

ANTONII KOROLENKOV VICTORIS F. (MOSCOVIA) FEMINAE IN SERTORII REBUS PUBLICIS

Opus de parte Sertorii matris et uxoris in rebus publicis eius narrat. Mater Sertorium educabat, per curas eius hic eruditus factus est, perceptus ius et eloquentiam. Initio fortasse parens filio in rebus publicis adiuvat. Matre mortuo Sertorius ad examinandum fidem militum suorum et Perpernae recusandas ambitiones quasi tristitia imperium suum fictе dimisit (opinio plausibilis I. G. Gurini). Eius pietas matris probabiliter exaggerata, enim Plutarchus scribit de hac pietate δοκεῖ et λέγεται.

A. Schulten Valerii Maximi mentionem de matrimonii Sertorii frustra reiecit. Sertorii uxor scilicet filia nobilis Hispani fuit. Haec matrimonium (cf. Hasdrubalis et Hannibalis exempla) sine dubio ad confirmandam potestatem Sertorii in Hispania factum est. Ab eo natus Sertorii filius est. Apparente eius nominis usurpatoris hic certe mortuus vel dilapsus est.

³⁵ Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. М., 1986. С. 302.